

ЛИДИЯ ДОВЫДЕНКО

ВЕЧНЫЕ СЛОВА

Певец вологодского слова

Вышла новая книга-монография Л. Г. Яцкевич “Православное слово в творчестве вологодских писателей”. Людмилу Григорьевну, её исследовательские работы по краеведению и русской словесности, а также прозаические труды хорошо знают в научных и писательских кругах. Она доктор филологических наук, профессор, автор двухсот публикаций по языкознанию и вологодскому краеведению, в том числе десяти книг: “Русское формообразование”, “Структура поэтического текста”, “Поэтическое слово Николая Клюева” и др. Подготовила и издала словарь “Народное слово в произведениях В. И. Белова” (2004), участвовала в составлении “Словаря вологодских говоров”, школьных словарей “Вологодское словечко” и “Золотые россыпи”, “Поэтического словаря Николая Клюева”.

Член Союза писателей России, публиковалась в журналах “Вологодский лад”, “Берега”, “Родная Кубань”, на сайтах “Вологодский литератор”, “Русская народная линия”, “Российский писатель”, “День литературы”. Автор художественных произведений: сборника рассказов “Вологодская нива” (2004), небольших повестей “Поэт и блаженный” (2017), “А я всё живу... Повесть о жизни Григория Кононовича Лавреги, рассказанная им самим” (журнал “Берега”, 2019, № 3), “Детство на Шексне” (2017–2019, сайт “Вологодский литератор”). Опубликовала книгу о череповецком поэте, погибшем под Ленинградом в 1943 году: “Владимир Калачёв. Стихи. Письма. Воспоминания” / Составитель Л. Г. Калачёва (Яцкевич). – Вологда, 2007. – 184 с.

Светлые думы

И вот я держу в руках красивый, объёмный, почти 400-страничный том. Он поражает композицией и Светом Православия в творчестве вологодских авторов, имеющих разный духовный опыт и разный стилистический почерк. Л. Г. Яцкевич обращается к произведениям таких писателей, как Константин Батюшков, Николай Клюев, Алексей Ганин, Василий Белов, Александр Романов, Николай Рубцов, Виктор Коротаев, Ольга Фокина, Михаил Карачёв, Александр Цыганов, Николай Устюжанин, Алексей Шадрин, Александр Пошехонов, Наталия Сидорова, Юрий Максин, Андрей Лушников, и некоторых других. Автор прибегает к духовной поддержке святителей Тихона Задонского и Игнатия Брянчанинова, которые тоже родились на Русском Севере. Светлые думы, воплощённые в благодатном слове писателей Вологодского края, привлекают читателя.

Как отмечает автор книги “Православное слово...”, ещё в 1855 году после паломничества по вологодским и белозерским местам писатель Андрей Николаевич Муравьёв назвал свою книгу о Вологодчине “Русская Фиваида на Севере”. Намоленность северной земли и посеянные в ней зёрна христианского духа мы ощущаем и сегодня.

Свет православной веры воплотился в художественных образах и поэтических символах в произведениях вологодских мастеров слова, а Людмила Яцкевич рассматривает их творчество с точки зрения православной этики и эстетики, строит книгу на основе ключевых понятий: вера, истина, любовь, терпение, красота, молитва, радость, грусть, слово, покаяние, соборность. Каждое из этих слов, вечных спутников жизни русского человека, стало названием отдельной главы.

Слова роднящие

В мире, где каждый день СМИ приносят в нашу жизнь негатив (слова “грабёж, воровство, падение нравов”), так отраднo открыть книгу Людмилы Григорьевны и напитаться благодатью, наполнить своё сознание очищающими словами, как написал Юрий Максин:

*Немного в целом Мире вечных слов,
ваяющих сознание народа:
Любовь, Семья, Отечество, Природа,
Надежда, Вера и опять Любовь.
Они роднят и очищают кровь.*

“Имеют ли право писать о Православии не святые и не богословы?” – задаётся вопросом автор книги. Можно ли писать об истине, “не ведая истины”? Конечно, нет. Однако православный дух пронизывает русскую литературу и приближает её к истине. “Духовный опыт, – пишет Людмила Яцкевич, – связан с умением созерцать, то есть видеть мир в органическом единстве, в центре которого – Бог”. Для художественного созерцания писателям необходимо творческое безмолвие, о котором поэт Юрий Кузнецов сказал: “оча-ми духа светит щит молчанья”.

Святая Русь

“Россия, Русь! Храни себя, храни!” – завещал нам вологодский и мировой величины поэт Николай Рубцов. Святое близко стоит к Священному, о чём много думал Николай Клюев, пытаясь разбудить “духовных слепцов”. Людмила Григорьевна жалеет, что некоторые современные писатели и читатели утратили священные начала жизни. Она опирается на размышления философа И. А. Ильина о том, что духовная рана современной культуры – утрата священного. Часть человечества пыталась “создать культуру без веры, без сердца, без созерцания, без совести, и ныне она переживает своё крушение и бессилие”. Путь к священным истокам требует духовного мужества.

“Нерукотворную Россию... свидетельствую, братья, вам”, – писал Николай Клюев. Нерукотворную – значит, святую. Поэт говорил: “Узнал я, что существует тайная, скрытая от гордых взоров иерархия, церковь невидимая, Святая Русь... Есть души, связанные между собой клятвой спасения мира, клятвой участия в плане Бога, раскрытия красоты лика Божьего”.

Неслучайно Николай Гумилёв сказал о Клюеве: “Славянское ощущение светлого равенства всех людей и византийское сознание золотой иерархичности при мысли о Боге”.

А Клюев как будто писал для нас, сегодняшних:

*Сгинь, Запад, — змея и блудница.
Наш суженый — отрок Восток...*

*Не зовите нас в Вашингтоны,
В смертоносный железный край!*

Слепцы, различаете небо восточное..?

Постижение Божьей правды

Слов “Святая Русь” почти не встретишь у вологодских поэтов, вместе с тем они относятся к Отечеству как к святыне, отмечает автор исследования.

Белый храм как священный образ России мы встречаем у дореволюционного писателя Никона Рождественского, епископа Вологодского, у поэтов Виктора Коротаяева и Николая Рубцова. Вот как говорил о Ферапонтине монастыре Николай Рубцов: “И казалась мне эта деревня // чем-то самым святым на земле”. А вот его поэтические строки о святыне Вологды:

*Красотою древнерусской
Обновился городок.
Снег летит на храм Софии,
На детей, а их не счесть.
Снег летит по всей России,
Словно радостная весть.*

Лики святой Руси просвечивают в произведениях Василия Белова, Ольги Фокиной, Александра Романова, Алексея Шадринова, Александра Цыганова.

Постигать Божью правду – тяжелейший духовный труд. Автор книги сравнивает двух авторов, написавших о Соловецком лагере, – Бориса Ширяева и Захара Прилепина. Борис Ширяев полученный в лагере духовный опыт выразил в книге “Неугасимая лампада”. Уже после окончания Великой Отечественной войны, всмотревшись в прошлое, написал: “Дивная, несказанная прелесть преображённого Китежа засияла из-за рассеянной пелены прошлого, смрадного тумана. Обновлёнными золотыми ризами оделись обгорелые купола Соловецкого Преображенского собора, вознеслись в безмерную высь и запели повергнутые на землю колокола. Неземным светом вечного духа засияла поруганная, испепелённая, кровью и слезами омытая пустынь русских святителей, обитель веры и любви. Стоны родили звоны. Страдание – подвиг, временное сменилось вечным». Писатель-творец научался правде у Бога-Творца.

Когда этого не происходит, у писателя возникает ложный образ мира, как это произошло у Прилепина в романе “Обитель”. Главный герой его – не политический заключенный, а столичный молодой человек, убивший отца. Это уголовный преступник. Основное внимание Прилепина уделено его любовным похождениям, а не безвинным узникам, сохранившим в духовном борении чистоту души. Фальшивый сюжет: у Прилепина происходит подмена истинных духовных трагедий мучеников описанием физиологические страдания плоти грешного человека. А книга Бориса Ширяева – постижение Божьей правды. В русском национальном сознании Соловки – святыня, духовный оплот Отечества, непобедимый, преображённый Китеж, потому что там на протяжении веков не прекращалась молитва. Там в разные времена страдали жертвы безбожного произвола. В поэме “Соловки” Николай Клюев вспоминает святых Соловецких – преподобных Изосима и Савватия, пономаря Авиву, строителя пустыни Феодора, рассеченного саблей отца Парфения, отрока Ивана на колу. И сам автор через несколько лет после написания этой поэмы был арестован и расстрелян.

А недавнее награждение Захара Прилепина за героя-преступника говорит только об одном: не читали “восторженные поклонники” поэмы Николая Клюева, не знакомы они с наследием русского философа Павла Флоренского, писателей Бориса Ширяева и Олега Волкова. И необъяснимо, почему критик Владимир Бондаренко вознёс Прилепина, зная творчество вышеназванных писателей, которые поняли, что “если физические законы по крепости железные, то духовные законы – алмазные” (отец Павел Флоренский).

Жанр молитвы

В русской поэзии жанр молитвы довольно распространён. К нему обращались Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Вяземский, отец Иоанн Шаховской, С. С. Бехтеев, Н. А. Клюев. Поэтическое созерцание сродни религиозному. О духовном свете невечернем писали многие русские писатели, начиная

с А. С. Хомякова. Помню, как впервые я переступила порог храма на поле Куликовом, когда весенний мартовский день клонился к закату, в сумерках зажегся свет в храме. И вспоминались строчки Ивана Бунина:

*Любил я в детстве сумрак в храме,
Любил вечернюю порой
Его, сияющий огнями,
Перед молящейся толпой;
Любил я Всенощное бдение,
Когда в напевах и словах
Звучит покорное смирение
И покаяние в грехах.
Безмолвно, где-нибудь в притворе,
Я становился за толпой;
Я приносил туда с собой
В душе и радости, и горе.
И в час, когда хор тихо пел
О “Свете тихом”, — в умиление
Я забывал свои волнения,
Я сердцем радостно светлел...*

“Вечер и утро особенно благодатны, — писал Павел Флоренский своему другу Василию Розанову, — для молитвы, для созерцания”. Вот как описывает Флоренский всенощную службу в Троице-Сергиевой лавре: “Вечерело. Золотые лучи ликовали. И торжественным гимном Эдему звучало солнце. “Свете тихий” совпадало с закатом. Пышно нисходило умирающее солнце. Сплетались и расплетались древние, как мир, напевы. Ритмически пульсировало чтение канона. И грусть потери таинственно зажеглась радостью возврата. Слава Тебе, показавшему нам Свет! И звезда Вечерняя стала тогда в алтарное окно. А в сердце всходила неувядаемая радость”.

Людмила Григорьевна в своей книге дарит эту неувядаемую радость, напоминая вечные слова русской литературы: стихотворения Константина Бальмонта “Свете тихий”, Александра Блока “Вечерняя”, Марины Цветаевой, вдохновлённой “Вечерней” Блока: “Божий праведник мой прекрасный, свете тихий моей души”.

Постигая эту неувядаемую радость, мы, подобно поэту, “забываем свои волнения”, они уходят в осознание Божественной тайны мира, как в стихах Николая Рубцова:

*...и над Родиной, полной покоя,
Так светлы по ночам небеса!*

Эти стихи, рождённые в прикосновении души поэта к тайне мира, перекликаются со словами Игнатия Брянчанинова: “Все существо человека погружается в духовное утешительное наслаждение священным миром Христовым...”

У Рубцова в стихотворении “После грозы”:

*Как это странно
И всё-таки мудро:
Гром роковой перенести,
Чтоб удивительно
Светлое утро
Встретить, как светлую весть.*

Как это созвучно с библейским “Свет во тьме светит, и тьма не объяла его!...”

По словам Игнатия Брянчанинова, вера является “причиной сердечного спокойствия, сердечного благодатного мира” — этих драгоценных свойств христианской души.

“Любовь на вечный срок”

Христианский идеал любви в книге “Православное слово...” рассматривается в творчестве таких вологодских поэтов, как Николай Рубцов, Михаил Карачёв, Нина Иванова-Романова. Строки Николая Рубцова о “неувядаемом цветке, неувядаемой ниве” перекликаются с библейской и святоотеческой традицией понимания любви. Земная жизнь конечна, как полевые цветы, а душу человека наполняет “любовь на вечный срок”. Сквозь неё прозревает поэт Святую Русь в стихотворении “Жар-птица”. Лирический герой, познав суету земной жизни, возвратился домой для того, чтобы узнать святую истинную любовь. В стихотворении “Старая дорога” он признаётся в любви к “древним дорогам” родины, видит над ней “голубые вечности глаза”:

*Здесь русский дух в веках произошёл...
И ничего на ней не происходит,
Но этот дух пойдёт через века!*

К голосу души прислушивается Михаил Карачёв. “Все дарования без любви ничто”, – этими апостольскими словами можно определить духовное и художественное мерило русской поэзии. Чувство поэта сродни молитве, творческое восхищение души – сила, побеждающая смерть.

О жизни и поэзии Нины Ивановой-Романовой, судьба которой сложилась трагически, Людмила Яцкевич пишет, как о судьбе поколения, представителями которого стала поэтесса и её герой – Александр Афанасьев. Её стихи и роман “Книга жизни” оставили нам живые чувства: любовь и горечь вечной разлуки, мужественную победу над обстоятельствами. В стихотворении “Мысли без оглядки”, посвящённом Анне Ахматовой, с которой Нина Михайловна была знакома, она писала:

*Как ты ошибся, человек!
Ты торопил себя безмерно
Не в этот ли двадцатый век,
Кровавый, грубый, лицемерный?*

Автор книги хотела бы создать портрет Нины Ивановой-Романовой, с которой она была знакома в молодости в 1960–1980-е годы. Людмила Яцкевич пишет: “Стихи и роман потрясли меня глубиной чувств, суровой судьбой героев, красотой романтического, необыденного восприятия жизни”.

*Редко-редко, меж дождём и градом,
спазмой горла, горьким жестом рук —
И ко мне заглядывает Радость,
Словно лето за Полярный круг.*

Эта светлая радость верной любви – духовная сила, которая преодолевает мировые катастрофы.

“Священный дар красоты”

В главе “Красота” Людмила Яцкевич размышляет о рассказе Николая Устюжанина “Вечная девушка”. В храме молодой человек увидел на клиросе среди поющих необыкновенную девушку, он ощутил в крови “неутихающую нежность”. Однако образ целомудренной, божественной красоты был ограждён от земных проявлений любви: девушка оказалась горбуньей. “Слёзы разбитого счастья” ощущал на лице герой рассказа, обращаясь к Богу в молитве, чтобы Он “открыл тайну произошедшего”. И вот “восторги утихли”, “сменились ровным ходом отрезвлённого сердца”. Описывая духовное возрастание молодого человека, писатель в своём рассказе сплетает в единый узор земное и небесное.

Гёте говорил: “Красота – в глазах смотрящего”. Такой вывод делает и Л. Г. Яцкевич, размышляя над рассказом А. А. Цыганова “Садовник”. Писатель реалистично изобразил внешний облик главного героя, неудачливого,

униженного и бедного человека, и на контрасте показал прозорливо его со-кровенную душу, красоту которой люди не замечают. По своему терпению, любви к ближнему и милосердию его душа уподобилась Христу, которого в Евангелии называют “Господином виноградника”.

“Свете тихий от народного лика”

Духовная радость и чистота живут на страницах книги Людмилы Григорьевны. Обращаясь к творчеству вологодских писателей, она напоминает нам о “вековом родстве”, не раз выручавшем и спасавшем народ в годину горя, беды. Она выполняет свой главный творческий долг – напомнить об исконном соборном единстве православных людей и о его сохранении:

*И поныне те злодеи
Рвутся к власти неспроста.
Что ж мы в горе холодеем?
Встанем,
Встанем в круг родства!*
(А. А. Романов)

Русский народ издавна соборность жизненного уклада определял словом “лад”. Книга с этим названием Василия Белова напоминает о соборном сознании, включающем веру, главную хранительницу русской земли, труд и русскую природу. А как потрясающе напоминает книга Людмилы Яцкевич об исконно русском, древнейшем слове “хор”. Хоровое пение было распространено на Руси в церкви и в быту, было выражением соборного сознания народа. Отмечаемое митрополитом Иоанном Сычёвым хоровое пение – это “свидетельство богатства соборного опыта, поднимавшегося в иные мгновения до вершин истинно святоотеческой чистоты и ясности”.

“Невыразимы смертными словами” величие духа русского народа, его судьба, здесь нужны “вечные слова”, которые и находит автор книги, созидая её, как молитву, под благодатным покровом умиления, полноты сердечного чувства. Прочитав книгу, ты прошёл тем путём, который подобен нашей жизни, земному пути среди родных просторов, и сквозь историческое время Отечества...

А вологодские писатели подобны “вещим Бояновым сынам” (Н. Клюев), которые своим православным словом несут *благую весть* – твёрдое желание соборного единения народа и созидания нетленной России.